

В остальных случаях источником справедливости судебного решения является та мера распределения судом прав, обязанностей и ответственности, которая следует из полноты фактических обстоятельств дела и на их основе самостоятельно определяется судом. В качестве инструментов поиска и выработки индивидуальной меры суд призван использовать общеправовые, межотраслевые и отраслевые принципы права.

Главная роль фактического компонента спора в определении природы спорного правоотношения и искомых мер его урегулирования, подтверждается практикой Конституционного Суда Российской Федерации, который, часто отказывая в признании нормы противоречащей Конституции Российской Федерации, призывает суды оценивать фактуру спора [5].

Список цитированных источников

1. Ожегов, С. И. Толковый словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=23400>. – Дата доступа: 15.06.2024.

2. Проблемы реализации принципов гражданского судопроизводства в правоприменительной деятельности: монография / И. Н. Спицин; под ред. В. М. Жуйкова, С. С. Завриева. – М.: Норма, 2024. – 416 с.

3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Избранное. – М., 2005. – 905 с.

4. Юридический словарь / Авт.-сост. А. Ф. Никитин. – М.: Олма-Пресс Образование, 2005. – 638 с.

5. По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7, части 5 статьи 4.4, части 1 статьи 15.25, пункта 2 статьи 31.7, статьи 31.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статьи 260 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Воплощение» и общества с ограниченной ответственностью «СИБТЕК» [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 апр. 2024 г. № 14-П // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВЫХ ПРИНЦИПОВ В КОДЕКСЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Колядко Иван Николаевич

профессор кафедры судебной деятельности учреждения образования

«Институт переподготовки и повышения квалификации судей,

работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции

Белорусского государственного университета»,

кандидат юридических наук, доцент

Система принципов характеризует новеллы реформ гражданского судопроизводства. В этой связи важно отметить изменения в теоретических подходах к совокупности принципов гражданского судопроизводства и их влияние на нормативное закрепление. Несмотря

на близость принципов гражданского и хозяйственного судопроизводства, их система не совпадала и это сказалось при унификации норм гражданского и хозяйственного судопроизводства в принятом в текущем году Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС).

В ГПК выявился подход к концентрации регулирования принципов судопроизводства в отдельной главе кодекса (впервые на постсоветском пространстве). Эту тенденцию подхватил законодатель при модернизации ХПК в 2004 г.

Нужно учитывать, что содержание ГПК позволяло выделять и другие принципы, не обозначенные в гл. 2 (например, принципы, реализуемые в судебном заседании: непосредственности, непрерывности и устности).

Унификация гражданского и хозяйственного судопроизводства потребовала гармонизации в регулировании, в первую очередь, отраслевых принципов: диспозитивности, состязательности, установления фактических обстоятельств.

КСГ комплексно регулирует принципы гражданского судопроизводства, однако не в самостоятельной главе, а вместе с вопросами о целях и задачах гражданского судопроизводства (гл. 2). Следует отметить закрепление применения без прямого регламента конституционных и судостроительных принципов (ч. 2 ст. 9 КГС) и развитие в КГС отраслевых принципов. Обозначенное нововведение соответствует доктринальной классификации принципов и будет обеспечивать их реализацию с момента вступления в силу соответствующих нормативных правовых актов.

В отношении принципа законности нельзя не отметить, что на его эффективное функционирование направлены все остальные принципы. При этом в механизме обеспечения правильного применения норм права основным инновационным положением является ч. 2 ст. 14 КГС, гарантирующая право судьи ставить вопрос о конституционности нормативного правового акта в Конституционном Суде Республики Беларусь, а также положение Конституции о праве граждан на конституционную жалобу. Последнее положение подлежит применению в отношении норм, примененных судами с 1 октября 2023 г.

Основные новеллы затронули содержание принципов диспозитивности и состязательности.

Нормативное закрепление в ст. 15 КГС не отличается от ст. 18 ГПК и ст. 23 ХПК. Тем не менее, положения принципа диспозитивности нашли значительное расширение в применении к делам публично-правового характера, а также на всех стадиях процесса в вышестоящих судах в связи с наличием апелляционного, кассационного и надзорного производства. Развитие диспозитивных норм затронуло все виды производства, так как в большинстве из них, кроме особого, закреплено наличие сторон, что позволяет применять метод диспозитивных соглашений сторон.

Тем не менее следует констатировать неполное соответствие нормативного регулирования с концептуальным подходом о направлении действия принципа диспозитивности в отношении процессуальных прав, определяющих движение гражданского процесса. Такой теоретический подход характерен для взглядов А. Т. Боннера [1, с. 434–435] и других советских и российских авторов. Из таких же позиций исходит В. П. Скобелев при анализе принципа диспозитивности (распорядительности) по ст. 15 КГС [2, с. 76]. Однако данный в целом правильный подход автора в отношении распорядительных действий лиц, участвующих в деле, не охватывает инновационных норм диспозитивного характера в производстве по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, и в отношении дел иных неисковых видов производства.

В полном объеме инновационное развитие диспозитивных начал в КГС по делам публично-правового характера реализовано с учетом отсылочных норм о возможности применения процессуального статуса сторон искового производства и по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений (ч. 1 ст. 356 КГС).

Принципиальным является комплексное регулирование на основании соглашений сторон различных форм примирения. Были восприняты и расширены для применения формы, известные ХПК, о мировом соглашении, порядке его заключения на различных стадиях процесса, о судебном примирении, а также учтены как теоретические предложения белорусских авторов [3], так и зарубежная нормативная практика о расширении форм судебного примирения. Так, в гл. 20 предусмотрена возможность примирения посредством переговоров с участием адвокатов и иные формы примирения.

Вместе с тем не согласован вопрос о порядке утверждения мирового соглашения в случаях, когда исполнение осуществляется без возбуждения исполнительного производства (например, путем удержания из заработной платы), так как ч. 9 ст. 167 КГС допускает утверждение судом мирового соглашения только в исполнительном производстве. Частичным выходом в таком случае может быть применение медиативных процедур, не связанных со стадиями гражданского процесса, которые в целом легализованы с определением правовых последствий их применения в уже возбужденных производствах.

В результате широкого использования гражданской процессуальной формы по делам, возникающим из публичных правоотношений, и наделением спорящих статусом сторон, появилась возможность на основании их соглашения применять примирительные процедуры.

Воспринята практика проверочных инстанций в ХПК и ГПК о пределах пересмотра судебных постановлений с использованием диспозитивного начала о проверке их в пределах жалобы и возражений на жалобу за-

интересованных лиц. Как исключение, допускается полная проверка законности и обоснованности судебного постановления или только его законности. Следует отметить, как положительный момент развития диспозитивного начала, закрепление права на подачу кассационных и надзорных жалоб в соответствующий суд [4, с. 50]. Тем не менее сохраняется право должностных лиц суда и прокуратуры инициировать пересмотр дел в кассационном и надзорном порядке.

Существенной новеллой является возможность применения исковой формы производства по делам, возникающим из публичных правоотношений. Предпосылкой этого явилось применение гражданской процессуальной формы в полном объеме к таким делам, в которых признан статус сторон за заявителем и заинтересованным лицом и их право по взаимному соглашению на примирительные процедуры, возможность заинтересованного лица заявлять встречные требования, использовать в этом производстве наряду с общими правилами исковых дел (ст. 179 КГС) специальные правила об обязанности государственного органа (должностного лица) доказать законность и обоснованность своих действий [4, с. 51].

Проблемным с точки зрения теории является отнесение прав по определению движения процесса прокурорами, органами государственного управления к принципу диспозитивности с учетом наличия теоретического обоснования принципа содействия суда, прокурора, должностных лиц органов государственного управления в защите прав и интересов граждан и юридических лиц.

В такой же степени спорным является включение или невключение в положения о состязательности правомочий суда по содействию сторонам и иным лицам, участвующим в деле, в установлении фактических обстоятельств по делу. Содержание ст. 14 КГС о состязательности является примером комплексного регулирования состязательности сторон с целью установления их правовых позиций, обязанностей по доказыванию и функций суда в обеспечении состязательных начал этими субъектами и содействия в реализации их прав.

Степень сочетания активности сторон и участия суда в установлении обстоятельств дела было проблемой в переходный период от советской модели к современной. Необходимость содействия суда в установлении сторонами обстоятельств дела в рамках анализа действия состязательности обоснована Т. С. Тарановой [5]. Отрадно, что эти нормы сохранены и развиты в КГС.

Фактически содержание ст. 14 КГС охватывает положение о состязательности сторон и иных лиц в узком смысле (ч. 1–4) и ранее закрепленный в ст. 20 ГПК принцип выяснения судом действительных обстоятельств дела с помощью содействия суда в истребовании доказательств, непредставленных по объективным причинам сторонами. Новым элементом регулирования является распространение правил распределения обязанностей по доказыва-

нию и исключений из них не только на исковые, но и, прежде всего, на дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений (ч. 4 ст. 368, ч. 3 ст. 399, ч. 3 ст. 403 КГС), а также закрепление активности суда в установлении фактических обстоятельств по делам публично-правового характера посредством истребования доказательств по таким делам. На наш взгляд, наименование ст. 14 КГС «Состязательность» не соответствует содержанию, так как в ней регулируются и вопросы, которые в доктрине именуются принципом руководства процессом и государственным содействия в защите права (ч. 5–6). При этом закрепленные положения касаются дел всех видов производства и учитывают активность суда в доказательственной деятельности по делам публично-правового характера и ряду дел особого производства.

Неслучайно ч. 6 ст. 14 КГС была скорректирована на этапе обсуждения и в ней закреплено, что суд освобождается от собирания доказательств по собственной инициативе, за исключением случаев, установленных КГС.

В ч. 2 ст. 179 КГС в качестве общего правила распределения обязанностей по доказыванию использовано классическое для гражданского процесса положение о том, что истец (заявитель) доказывает основание требований, а другая сторона – основание возражений, дополненное исключением, «если иное не установлено законом». Это расширило применение общего правила распределения обязанностей по доказыванию не только на исковые дела, но и на споры публично-правового характера, а в ряде случаев и на дела иных видов производства. Существенно важным является возможность в каждом производстве иметь также специальные правила распределения обязанностей по доказыванию.

В целом это усиливает необходимость реализации сторонами обязанностей по доказыванию, а с учетом требований о правовом обосновании обращений в суд – и обязанности обосновать правовую позицию. Как следствие, расширяется объективная необходимость обязательного участия адвокатов для оказания правовой помощи сторонам.

Важным является закрепление обязанности сторон о раскрытии доказательств: «Каждое лицо, участвующее в деле, должно раскрыть доказательства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений, перед другими лицами, участвующими в деле, до завершения подготовки дела к судебному разбирательству или в пределах установленного судом срока, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом» (ч. 5 ст. 179 КГС). Эта новелла позволит реализовать основные этапы представления доказательств на стадии подготовки дела к судебному разбирательству и обеспечит возможность ознакомления с доказательствами каждой из сторон до судебного разбирательства.

Полагаем правильным урегулировать в ст. 186 КГС возможности заключения сторонами соглашения о доказательствах, о признании фактов, имеющих юридическое значение, в том числе о последствиях признания

фактов в случаях, если они стороной «прямо не оспорены или несогласие с такими обстоятельствами не вытекает из иных доказательств, обосновывающих представленные возражения относительно существования заявленных требований». Указанные новеллы обеспечат расширение состязательных начал в доказывании, устанавливая четкие правовые последствия в случаях неполного выявления правовой позиции в отношении фактов, имеющих правовое значение, исходя из закрепленных правил распределения обязанностей по доказыванию.

При этом усиливается значимость свободной оценки доказательств судом посредством признания таких правил (ст. 24 КГС) принципом судопроизводства, а не доказательственной деятельности.

Правила раскрытия доказательств применены без определения правовых последствий их невыполнения, что говорит об использовании как элементов либеральной, так и социальной модели цивилистического процесса [6, с. 28–29].

Такое регулирование доказывания и ряда других институтов позволяет утверждать о значительном расширении элементов либеральной модели цивилистического процесса, которая не доведена до классических форм и носит незавершенный характер.

Основные новеллы в регулировании принципов диспозитивности, состязательности и объективной истины заключаются в развитии диспозитивных начал по определению движения дела как лицами, участвующими в деле, имеющими непосредственный интерес, так и прокурорами, государственными органами, общественными объединениями, а в вышестоящих судах – и должностными лицами, осуществляющими судебный и прокурорский надзор.

Развитие состязательных начал касается всех гражданских дел (в том числе, публично-правового характера) и сочетается с активностью суда по руководству процессом и содействию лицам, участвующим в деле, в доказательственной деятельности.

Список цитированных источников

1. Боннер, А. Т. Избранные труды по гражданскому процессу / А. Т. Боннер. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 992 с.

2. Скобелев, В. П. Проблемы реализации принципа правовой определенности как конституционной основы правотворчества в сфере исполнительного производства / В. П. Скобелев // Устойчивость и прогрессивное развитие правовых систем в контексте интеграционных процессов: сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: С. Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. – Ч. 1. – Гродно, 2017. – С. 188–192.

3. Здрок, О. Н. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе / О. Н. Здрок. – Минск: БГУ, 2018. – 283 с.

4. Колядко, И. Н. Кодекс гражданского судопроизводства как итог и этап судебной реформы / И. Н. Колядко // Современные тенденции развития цивилистического процессуального права : сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. кругл. стола, приуроч. к 70-летию проф. кафедры гражд. процесса и труд. права юрид. ф-та Белорус. гос. ун-та И.Н. Колядко, 15 апр. 2022 г., Минск / БГУ ; под ред. О. Н. Романовой,

И. Н. Колядко. – Минск, 2022. – С. 49–57.

5. Таранова, Т. Принцип состязательности гражданского процесса / Т. Таранова // Судовы веснік. – 1999. – № 3. – С. 54–56.

6. Каллистратова, Р. Ф. О единстве цивилистического процесса / Р. Ф. Каллистратова, А. В. Аргунов // Рос. правосудие. – 2016. – № 5. – С. 24–30.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ПРЕСЕЧЕНИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Коновалов Руфат Рафаилович

*старший преподаватель кафедры гражданского процессуального права
Казанского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет
правосудия», судья Арбитражного суда Республики Татарстан в отставке
igt757arbitr1@gmail.com*

Исследование проблем злоупотребления процессуальными правами имеет большое практическое значение в целях исключения недобросовестных действий участников арбитражного процесса.

В ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации закреплён важнейший правовой принцип: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». Данный конституционный принцип находит своё дальнейшее развитие, как в материальном, так и в процессуальном законодательстве Российской Федерации.

Согласно ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

В силу п. 1 ст. 10 ГК РФ не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Принцип недопустимости злоупотребления правом, установленный в ст. 10 ГК РФ, определяет общие границы осуществления гражданских прав и обязанностей.

Этот принцип продолжает своё развитие и в арбитражном процессуальном законодательстве Российской Федерации.

В соответствии с ч. 2 ст. 41 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами.